

**КРЫМ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА**

Ю. В. Кривошеев¹

Особое место в биографии выдающегося отечественного ученого-историка, академика Бориса Дмитриевича Грекова занимает Крым. На протяжении многих лет Крым стал для него местом работы и отдыха и объектом историко-научного внимания. Иногда эти годы были творчески плодотворными, а подчас полными драматических событий и их последствий. В статье на основе архивных и опубликованных источников предпринимается попытка рассмотреть этапы и эпизоды жизни и творчества ученого, связанные с его пребыванием в Крыму.

Ключевые слова: Б.Д. Греков, Крым, история Крыма, отечественная историческая наука.

Выдающийся русский советский историк Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) родился в Малороссии (в знаменитом гоголевском Миргороде), учился в Варшаве и Петрограде. Занимался научной и преподавательской деятельностью в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде, Перми, Симферополе, Москве [9, с. 4–119; 3, с. 3–196]. Особое место в его биографии занимает Крым, ставший для ученого местом и работы, и отдыха и объектом историко-научного внимания. Вместе с тем Крым оставил и сомнительный шлейф в его биографии, тянувшийся за ним в течение нескольких десятилетий.

Одно из писем Б.Д. Грекова Д.М. Петрушевскому (от 11 июня 1915 года) имеет крымский обратный адрес: «Алушта. Профессорский уголок. Дача Магденко». Здесь Б.Д. Греков не только отдыхал, но и работал. «Кое-что успел уже здесь сделать: написал маленькое исследование по источникам, вывезенным мною из Тихвинского монастыря...

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург,

Университетская набережная, 7–9.

Поступила в редакцию 28.04.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-5

© Кривошеев Ю. В., 2017

Получилась статейка под заголовком "Посад Тихвинского Большого монастыря в XVI—XVII вв."... Хочется еще что-нибудь сделать тут для "Русской мысли"» [3, с. 207]².

Об этой же статье оттуда же несколькими днями ранее он писал другому своему респонденту С.Д. Шереметеву. «На досуге я здесь успел уже и поработать. Написал и послал владыке (Новгородскому. — Ю.К.) Арсению в его журнал статью "Посад Тихвинского Большого монастыря в XVI—XVII вв."». Кроме того, он сообщает: «Пишу рецензию на последний выпуск "Старины и новизны" для "Русской мысли" и для нее же готовлю статью о Новгородской Св. Софии. В популярной форме излагаю свою книжку с прибавлением некоторых новых своих наблюдений» [2, с. 83, прим. 5]³.

А через месяц, 3 июля, он отписывает С.Д. Шереметеву, что «от владыки Арсения получил хорошее письмо», и «между прочим» сетует, что со слов того же Арсения, «журнал не печатается по общим причинам, вероятно нет бумаги. Следовательно, и моя статья не скоро будет набрана». И в конце признается: «Предложенной статьи для "Русской мысли" не сделал: жара страшная и лень тропическая» [2, с. 83, прим. 5].

В 1918 году Б.Д. Греков вновь, и не по своей воле, оказывается в Крыму. Тому предшествовали следующие события. Осенью 1916 года столичный петроградский быт и университетские занятия прерываются направлением в далекую и холодную Пермь, где было открыто отделение Петроградского университета⁴. Но «бурные события в Перми в мае-июне 1918 года заставили Грекова в одночасье, ночью, без вещей, в чужом тулупе покинуть город на поезде: его предупредили, что захватившими Пермь красными он был включен в список заложников. Его товарищем по путешествию, как и по преподаванию в Пермском университете, был... Георгий Владимирович Вернадский. Поехал в никуда и в конце концов оказался в Симферополе, в Таврическом университете», — писала о произошедших событиях биограф Б.Д. Грекова Н.А. Горская. Она правомерно связывает это с постоянным проживанием в Крыму его сестры Александры [3, с. 56].

² Письма Б.Д. Грекова Д.М. Петрушевскому и Петрушевского Грекову в научный оборот ввела Н.А. Горская [3, с. 197—252].

³ В 1914 году в «Записках Историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета» Б.Д. Греков издал фундаментальный труд «Новгородский дом Святой Софии. (Опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины). Ч. 1».

⁴ О пребывании Б.Д. Грекова в Перми подробно см.: [3, с. 43—48, 56].

Сам Б. Д. Греков в автобиографии, написанной в 1929 году, так поясняет мотивы, поставившие его перед необходимостью остаться в Крыму на несколько лет: получив полагавшийся годичный отпуск, «этот год 1918-[19]19 я предполагал употребить для своих научных занятий в Москве и Петрограде. Предварительно решил поехать в Крым для лечения ревматизма, но был отрезан начавшимся на Украине движением. Мое пребывание в Крыму совпало там с организацией Университета, к чему привлечен был и я, где и занимал кафедру русской истории и исполнял обязанности декана факультета до 1920 г., когда появилась возможность возвращения в Петроград» [3, с. 56]. С. Б. Филимонов, написавший ряд статей и очерков о нахождении Б. Д. Грекова в Крыму в 1918–1921 годах, на основе биографической справки, обнаруженной им в ГАРФ, добавляет небезытересную деталь: «В августе 1918 года Университетом Св. Владимира (г. Киев) 36-летний Б. Д. Греков был избран исполняющим должность ординарного профессора по кафедре русской истории Таврического университета» [15, с. 141; 16, с. 210].

Нахождение Б. Д. Грекова в Крыму до последнего времени было малоизвестной страницей его биографии⁵ и вызывает у современных историков определенный интерес в связи с его сотрудничеством с «белым движением» [3, с. 56–57; 8, с. 654; 14, с. 23–24, 40–41; 15, с. 140–172; 16, с. 209–240]. Некоторый свет проливают факты, приведенные в последние два десятилетия: в монографии его поздней ученицы — Н. А. Горской, в ценных наблюдениях, дополнениях и уточнениях крымского историка С. Б. Филимонова, а также А. А. Формозова и А. М. Дубровского.

Вследствие важности для нашей темы приведем большую цитату из книги Н. А. Горской.

В армии Врангеля Греков никогда не служил, но был среди профессуры Таврического университета (в деятельности которого он принимал активное участие и как декан исторического факультета), приветствовавшей Врангеля после его вступления в Крым, и даже был делегирован ею выступить с несколькими приветственными фразами от ее имени.

⁵ В советское время было принято изображать «крымские страницы» биографии Б. Д. Грекова в пасторальных тонах. «Исторические памятники и природа Крыма произвели на него большое впечатление, — писал, например, В. В. Мавродин, — и в течение ряда лет впоследствии Борис Дмитриевич летом посещал Севастополь, Херсонес, Симферополь» [11, с. 5].

Далее биограф ссылается на рассказ историка А. И. Клибанова, бывшего в близких отношениях с Б. Д. Грековым.

Как рассказывал сам Борис Дмитриевич А. И. Клибанову, приветствие никто заранее не готовил, его просто спонтанно выдвинули из толпы более осторожных коллег. Этот факт был запечатлен одной выходящей в Симферополе газетой в заметке о приеме, организованном Врангелем для интеллигенции Крыма... А. И. Клибанову Греков говорил, что где-то могла сохраниться фотография, на которой изображена профессура, подносившая Врангелю хлеб-соль [3, с. 84 – 85].

С. Б. Филимонов по-иному представляет ситуацию с участием Б. Д. Грекова. Он первым обратил внимание на материал, опубликованный в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» в одном из номеров за 1920 год, где сообщалось, что «24 сентября 1919 года на заседании ТУАК ее председатель А. И. Маркевич произнес речь», которая посвящалась пребыванию в Крыму А. И. Деникина.

Посещение нашей губернии Главнначальствующим военными силами на Юге России генералом А. И. Деникиным — важное событие в жизни нашего края... — говорил А. И. Маркевич. — Вождь Добровольческой армии генерал Деникин во время пребывания своего в Симферополе и других городах Крыма имел возможность убедиться в преданности местного населения России. Восторженная встреча его населением знаменует собою единодушное стремление к достижению нашего светлого идеала — Единой, Великой и Могучей России. Присовокупляю, что по предложению г. губернатора я и товарищ председателя Комиссии проф. Б. Д. Греков участвовали при встрече генерала А. И. Деникина и на обеде, данном ему Симферопольским городским управлением [15, с. 143 – 144; 16, с. 213].

А 27 сентября 1919 г. в газете «Таврический голос» сообщалось, что «25 сентября в "Метрополе" при переполненном зале с большим вниманием и интересом были выслушаны и имели успех речи, произнесенные проф. Грековым, ген.-лейт. Мошниным и Казминым». С. Б. Филимонов предполагает, что это все было звеньями одной цепи, ибо произносимые речи посвящались памяти организатора Добровольческой армии и ее Верховного руководителя генерала М. В. Алексева [15, с. 144; 16, с. 213 – 214].

«Как видим, — резюмирует С. Б. Филимонов, — то ли Б. Д. Греков запямятовал, то ли А. И. Клибанов, а вслед за ним и Н. А. Горская ошиблись, но Греков встречал не Врангеля, а Деникина, а речь его была посвящена не Врангелю, а памяти генерала Алексева. Впрочем,

для чекистов эти различия были бы, наверное, несущественными», — заканчивая, подчеркивает он, имея в виду уже привлечение Б. Д. Грекова к «Академическому делу» [15, с. 148, прим. 10; 16, с. 218, прим. 11].

Нечто среднее в решении рассматриваемого вопроса мы видим у А. А. Формозова, автора многочисленных работ по истории исторической науки. Он краток: «24 сентября 1919 г. на приеме в честь А. И. Деникина, посетившего П. Н. Врангеля, Греков от лица профессуры произнес речь о светлых рыцарях, борющихся против черной рати большевиков, опубликованную в газетах» (ссылка следует на те же «Известия ТУАК») [17, с. 174; 8, с. 654].

Как бы то ни было, нам необходимо констатировать: Б. Д. Греков был отнюдь не безучастным свидетелем событий в Крыму, однозначно поддерживая «белое движение» и его представителей. И здесь необходимо согласиться с С. Б. Филимоновым, писавшим, что «за участие в такого рода мероприятиях при Сталине можно было поплатиться не только карьерой, но и головой...» [15, с. 144; 16, с. 214]. Однако известно, что ни того, ни другого с Б. Д. Грековым не случилось.

Н. А. Горская пишет, что у Б. Д. Грекова во время нахождения в Крыму «1918–1920 гг. для научного творчества были потеряны» [3, с. 56].⁶ Не думаем, что уместна такая категоричность. Безусловно, «зарабатывать же на жизнь, в условиях всеобщей разрухи, приходилось по-всякому, даже шитьем сапог, в коем искусстве, по отзывам родных, он очень преуспел», равно как и в личной жизни [3, с. 57].

Вместе с тем, будучи в Крыму, Б. Д. Греков активно занимался научной и научно-организационной деятельностью. В последнее время благодаря С. Б. Филимонову вновь был введен в научный оборот ряд важных исследовательских работ Б. Д. Грекова. Таковой является, к примеру, опубликованная в 1919 году в «Известиях Таврического университета», но не учтенная в библиографических списках лекция «Назревший пересмотр некоторых общих понятий в исторической науке», произнесенная профессором Б. Д. Грековым на открытии Таврического университета⁷ 1(14) октября 1918 года. Лекция носила историографический и методологический характер и была посвящена, считает С. Б. Филимонов, «критике взглядов ряда ученых на проблемы

⁶ Такое впечатление складывается и при обращении к «Списку научных работ академика Б. Д. Грекова», в котором с 1917 по 1922 год значатся всего две его работы (*Академику* Борису Дмитриевичу Грекову в день его 70-летия. М., 1952. С. 22).

⁷ В 1920–1921 годах Б. Д. Греков был деканом историко-филологического факультета.

экономической истории феодальной России» [16, с. 211]. Однако тематика данной работы намного шире, ибо автор обращается к западно-европейской истории и историографии (К. Бюхер, В. Зомбарт, А. Допш). «Мы говорили сейчас об умирающих теориях, на смену которым идут новые побегии мысли, — пишет, заканчивая статью Б.Д. Греков. — Мы отметили факт переходного момента, наступившего в нашей науке» [16, с. 229]⁸.

Безусловно, к этой статье примыкает и другая, опубликованная в университетской газете, — «Задачи университетского преподавания» [16, с. 237–239], квинтэссенцией которой является мысль, что «университет есть ученое и учебное учреждение. Преподаватели университета сами работают в науке и преподают каждый свою науку слушателям» [16, с. 237].

Наряду с профессорской и административной деятельностью в Таврическом университете Б.Д. Греков принимал активное участие в работе Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) вначале в качестве ее члена, а затем товарища (заместителя) председателя. Известны его речи, произнесенные в честь ряда русских историков, его современников: А.С. Лаппо-Данилевского, М.А. Дьяконова, С.Ф. Платонова⁹, С.Д. Шереметева [16, с. 212]¹⁰.

Кроме того, как отмечает Н.А. Горская, Б.Д. Греков, будучи в Крыму, продолжал последовательно вести начатую по предложению Исторической комиссии Академии наук еще до революции работу по составлению словаря юридических и экономических терминов [3, с. 59]¹¹.

⁸ В 1918 году при участии Б.Д. Грекова Таврическим университетом издается «Русская правда» — важнейший источник изучения древнерусской истории.

⁹ «Обширная речь» Б.Д. Грекова о С.Ф. Платонове, равно как и ряда других деятелей науки и культуры, находившихся в то время в Крыму, была произнесена на заседании ТУАК 1(14) ноября 1919 года по случаю «скорбной вести о кончине в Петрограде академика С.Ф. Платонова». Б.Д. Греков «дал обозрение всей ученой и литературной деятельности С.Ф. Платонова, его трудов и ученых заслуг». Позже выяснилось, что информация была ошибочной (подробнее см.: [16, с. 339–341]).

¹⁰ Доклад Б.Д. Грекова «Ученая и учебная деятельность А.С. Лаппо-Данилевского» был также опубликован (*Известия ТУАК*. 1919. №56. С. 146–156).

¹¹ Биограф приводит «прямо-таки детективные обстоятельства» в связи с пропажей карточек для составления этого словаря. «Пакет весом в 12 фунтов» с карточками из Крымского университета должен был передать «организатору работы профессору Б.Д. Грекову» сотрудник словаря некто М.М. Бересневич, но «пакет исчез бесследно» [3, с. 59].

Необходимо также отметить, что в 1919 году по инициативе Б.Д. Грекова был учрежден Крымский центральный архив и он стал его заведующим. При нем «архив развивает энергичную деятельность: командировывает сотрудников на места с целью выяснения общего состояния архивного дела в Крыму, собирает и описывает материалы ликвидированных учреждений, организует уездные отделения Крымцентрархива» [16, с. 214–215].

Таким образом, является несомненным, что Б.Д. Греков, занимая активную научную и научно-организационную позицию, приобщил научное сообщество Крыма к достижениям «петербургской» и «московской» исторических школ, своими выступлениями и работами привнес культуру классического и современного научного исторического исследования.

Через некоторое время перед Б.Д. Грековым и его женой (в Крыму в 1919 году он сочетался браком с Т.М. Филатовой-Быковой, вдовой, имевшей 6-летнюю дочь) [16, с. 218, прим. 17]¹² возникла дилемма: «Они решали главный тогда вопрос – уехать, бежать из России или остаться, и навсегда запомнили тот последний ноябрьский день 1920 г., когда многие (в том числе и Г.В. Вернадский, прибежавший ночью проститься с ними) покидали Крым с остатками войск Врангеля, а они остановились на пороге дома и... остались. Вскоре после этого Греков вернулся в Петроград» [3, с. 57].

Б.Д. Греков опять возвращается к привычно активной научной деятельности: работает в Археографической комиссии АН, преподает (в том числе в Институте Красной профессуры), пишет статьи, участвует в дискуссиях. Но установившихся связей с Крымом не теряет. Биографы отмечают, что во второй половине 1920-х годов он в летний период постоянно приезжает в Крым [3, с. 62; 11, с. 5; 16, с. 215]. А в сентябре 1928 года «присутствовал на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии» [16, с. 215].

Из переписки с С.Б. Веселовским становится известно, что он находился в Крыму летом 1929 года в Феодосии. Тридцатого июня он пишет большое письмо со своими впечатлениями. И опять отдых совмещает с работой: «Заканчиваю статью о происхождении в России крепостного хозяйства и права и обираю Вас порядочно и всесторонне; пользуюсь и последней статьей, и Арзамасскими актами, вспоминаю и Сошное письмо. На этот предмет отпущено мне 4 листа. Есть где коснуться разных сторон дела. Стою на тех же точках зрения, что и Вы, и

¹² У Тамары Михайловны «был домик в Симферополе на Архивном спуске» [3, с. 57].

пишу в том стиле, как мы с Вами беседовали». И все бы было хорошо, «только под руками у меня книг нет, в библиотеке местной тоже ничего нет, а со мной только мои заметки, отрывочные и неполные», — жалуется он [13, с. 425; 3, с. 62, 65, 77].

В том же 1929 году в «Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии» выходит большая статья Б.Д. Грекова «"Повесть временных лет" о походе князя Владимира на Корсунь» [4, с. 99—112]¹³. «Личные наблюдения историка над местоположением памятников Херсонеса, сопоставленные с летописными данными, позволили ему по-новому взглянуть на осаду и взятие города киевским князем Владимиром в 988 году», — пишет С. Б. Филимонов [16, с. 215].

Б.Д. Греков начинает изложение издалека: с историографической ситуации, сложившейся к тому времени в западноевропейской и отечественной медиевистике, постепенно обращая большее внимание на исследования русско-византийских отношений. Затем переходит непосредственно к предмету исследования. «В настоящей специальной заметке, — предвеляет он обращение к теме, — нет возможности рассматривать сколько-нибудь подробно русско-византийские отношения. Заинтересованный в освещении одного только эпизода в истории этих отношений, причем в очень ограниченных рамках проверки одного нашего летописного сказания, я предварительными справками имею в виду восстановить только тот общий фон, на котором разворачивались события, приведшие Владимира Св. к походу на Крым» [4, с. 99—100]. Далее на основе сохранившихся источников Б.Д. Греков совершает небольшой экскурс в предысторию вопроса. Он справедливо пишет, что уже Русь IX в. «не со вчерашнего дня прекрасно знала дорогу в Крым». А применительно к X в. можно говорить, что в Крыму «были поселения русских и владение Руси» [4, с. 101, 104, 112]. Ученый делает вывод, что из рассмотренного им материала «с несомненной

¹³ См. также эту статью в издании: *Греков Б.Д. Избранные труды* : в 5 т. М., 1959. Т. 2. С. 413—428. Статья посвящалась «Арсению Ивановичу Маркевичу по случаю 50-летия его научно-педагогической деятельности». Об А.И. Маркевиче (1855—1942) см.: [16, с. 321—325].

Б.Д. Греков приобщал к крымской истории и студентов. Любопытный эпизод в своих воспоминаниях привел В.В. Мавродин. «Автор этих строк взял в качестве доклада на научном кружке кафедры истории России ни много ни мало, как... Киевскую Русь *in corpore*. Борис Дмитриевич очень осторожно направил деятельность увлекающегося второкурсника, и сделанный им доклад носил уже совсем другое название: "Историография вопроса о походе Владимира на Корсунь"» [11, с. 20].

ясностью вытекает... что у Руси в Крыму было много интересов, настойчиво осуществлявшихся Игорем и Святославом... и Владимиром». Один из них — крымский Херсонес-Корсунь, «очень удобный центральный пункт для связи с Византией». Непосредственно «Херсонес живет посреднической торговлей между Русью и Ромейской страной»: морской и сухопутной [4, с. 103–104].

Автор показывает прекрасное знание военной истории и исторической географии крымско-черноморского региона. Он пишет: «Сообщение Южного Крыма с Византией искони и до наших дней всегда шло на перевал через Черное море к Синопу, а уж оттуда вдоль Анатолийского берега. Так ходили войска Митридата VI на помощь Херсонесу, так шла турецкая эскадра с десантом в Крым в 1774 г., так ходят и в наше время беспалубные легкие суда, привозя в Крым такой ничтожный груз, как дрова или яблоки, и увозя соль, а в оба конца контрабанду. Перевал занимает сутки» [4, с. 103].

Рассказ летописца о появлении князя Владимира в Крыму Б. Д. Греков считает «кратким, наивным, но весьма точным и правдивым». При этом летописец использовал доброкачественный греческий источник, «находившийся» в его руках. Б. Д. Греков тщательно разбирает взгляды своих предшественников. Он не принимает «основательность рассуждений Костомарова», считает «неубедительными и некоторые, весьма впрочем существенные, замечания А. А. Шахматова» [4, с. 105].

А вот за знатоком Крыма А. Л. Бертье-Делагардом, считает историк, «нужно признать ряд преимуществ, не бывших в распоряжении А. А. Шахматова». Так, А. Л. Бертье-Делагард «прекрасно знал местность и технические приемы военного искусства». Далее Б. Д. Греков останавливается на некоторых именно его соображениях. Это, во-первых, «вопрос о способе осады Корсуни» и, во-вторых, «о месте высадки Владимировой армии». Б. Д. Греков приходит к выводу, что «Владимир подошел к крепости с моря, высадился на берегу и повел правильную осаду города» [4, с. 108]. Не обходит историк и вопросов микротопографического свойства. Он пишет о таких деталях осады города, как «приспа» и водопровод, находившийся, как он выясняет, «к востоку от стоянки» [4, с. 112].

По второму вопросу Б. Д. Греков вступает с А. Л. Бертье-Делагардом в дискуссию. Он признает, что Владимир, «имея цель осады Корсуни, мог высадиться в одной из трех бухт, близких к Корсуню». Приводя весомые аргументы, таковой он считает Стрелецкую бухту, более дальнюю, но «ни в коем случае не Карантинную, где лежит Херсонес». Общая картина действия киевского князя выглядела следую-

щим образом: «Пристав к Стрелецкой бухте и, естественно, устроив лагерь неподалеку от стоянки своих судов и приняв меры к их охране, Владимир должен был заняться блокадой города и, конечно, прежде всего с суши, а затем уже, насколько возможно, и с моря... Осада с суши помимо ее технической необходимости важна еще и в другом отношении: Владимир без сухопутной связи с окрестным населением и, может быть, даже с материком не мог обойтись». Вместе с тем «все детали осады и переговоров говорят о том, что Владимирова армия до самого конца находилась в состоянии боеспособности» [4, с. 109–110, 111].

По В. И. Шункову, у Б. Д. Грекова это была «первая общая работа, посвященная Киевской Руси» [18, с. 5]. Что касается истории Крыма, то обширное знание и интерес к ее отдельным сюжетам мы видим у Б. Д. Грекова и в последующее время. Так, в 1939 и 1940 годах в «Вестнике древней истории» появляются две историографические статьи [5, с. 338–351; 6, с. 173–176]. Одна была посвящена работам по древнерусской истории крупного дореволюционного историка-византиниста академика В. Г. Васильевского, в которых он, исследуя источники, неоднократно обращался к спорным и трудным обстоятельствам, связанным с крещением Руси и князя Владимира («разбор греческих житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского», «походы дорюриковской Руси на Византию», «вопрос о женитьбе Владимира на греческой царевне, об осаде и взятии Владимиром Корсуни» и др.) Советский ученый высоко оценил вклад «буржуазного» историка в историческую науку. «Он дал нашей науке так много нового и ценного, что мы вправе сказать (это не будет преувеличением), что наша наука в вопросах древности может быть разделена на два периода — до и после работ В. Г. Васильевского» [5, с. 338].

В другой статье Б. Д. Греков останавливается на работе известного специалиста по античной истории С. А. Жебелева, который рассматривает «восстание скифских рабов на Боспоре... как первое революционное восстание угнетенных против их угнетателей в античных колониях на территории СССР» [6, с. 173]. Б. Д. Греков, уже прочно к середине 1930-х годов ставший на почву марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях и классовой борьбе [см.: 3, с. 108–109; 11, с. 5–6, 11 и др.], считает, что здесь «С. А. Жебелев сделал важное открытие... открыл... новый смысл, до сих пор никем не замечаемый» [6, с. 174].

На 1929–1931 годы приходится так называемое «Академическое дело», материалы которого стали широко известными не так давно. Коснулось оно и Б. Д. Грекова, имевшего личные и профессиональные

связи со многими из фигурантов. В архиве ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области сохранилось его следственное дело [1, л. 150–160].

Привлечение к «Академическому делу» Б.Д. Грекова [10, с. 246–256] до сих пор таит в себе много неясностей. Непосредственное обращение к следственным материалам показывает, что дело Б.Д. Грекова не выделялось в отдельное производство. Собственно допрос (он был первым и последним) состоит из двух листов. Так, пребыванию в Крыму посвящено лишь одно (и не совсем внятное) предложение: «В 1918–1920 был профессором Крымского Университета и организатором и первым завед[ующим] Центрархива в Крыму (в Крыму очутился отрезанным, [неразб.]¹⁴ туда для летнего отдыха)» [10, с. 251].

Историки, проходившие по «Академическому», были осуждены и приговорены к различным сроками ссылки. Избежавший трагической участи старших коллег, Б.Д. Греков развивает бурную научную деятельность, находясь во главе ряда острых дискуссий о социально-экономических формациях. Ему принадлежит разработка марксистской концепции феодальных отношений в Киевской Руси, ставшей на десятилетия основополагающей для советской исторической науки. В конце 1934 года он становится членом-корреспондентом (впервые выдвигался в конце 1929 года), а в 1935 году — действительным членом АН СССР. В конце 1930-х годов Б.Д. Греков уже возглавляет Институт истории СССР АН СССР — ведущую организацию советской исторической науки.

В начале 1950-х годов Б.Д. Греков в последний раз непосредственно обращается к теме Крыма. Поводом стала работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и последовавшее активное обсуждение ее в научных и общественных кругах. Статья «Изучение истории Крыма», написанная совместно с его учеником Ю.В. Бромлеем, стала результатом проведенной в мае 1952 года «объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР» [7, с. 71–75]¹⁵.

¹⁴ По нашему мнению, здесь пропущено слово «поехав» или «выехав»; по В.М. Панеяху — слово «попал» [12, с. 208].

¹⁵ О сессии см.: *Объединенная научная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР, посвященная истории Крыма // Крымская правда. 1952. 25 мая; 27 мая. «Академик Греков, — пишет С.Б. Филлимонов, — выступал на сессии со вступительной и заключительной речами». По итогам сессии Б.Д. Грековым были опубликованы статьи в местной и центральной печати [16, с. 215, 218, прим. 16].*

Статья была обобщающего характера, ставящая новые задачи изучения крымской истории. «Крым в истории нашей страны принадлежит важная роль. На Крымском полуострове происходили исторические события, имевшие большое значение для нашей Родины. По обилию археологических и исторических памятников Крым с полным правом можно назвать историческим заповедником Советского Союза», — писали авторы. «В истории Крыма, — продолжали они, — заложены очень важные, очень ответственные проблемы, от правильного разрешения которых зависит выяснение многих вопросов истории нашей страны. Между тем, — предупреждают они, — в освещении истории Крыма имеется немало искажений, причем искажений весьма тенденциозных», которые «старая, домарксистская историография» преодолеть не смогла [7, с. 71].

Вместе с тем, несмотря на определенные достижения советской исторической науки, «изучение истории Крыма оказалось не свободным от ошибок, среди которых одна из основных — отрыв истории Крыма от истории русского народа». А также, с одной стороны, недооценка «значения местного населения в историческом развитии полуострова», а с другой — преувеличение роли Крымского ханства и неправильная трактовка вопроса о включении Крыма в состав России: «Это исторически прогрессивное событие расценивалось как колониальный захват, как некое зло в исторической жизни населения, жившего в то время на Крымском полуострове» [7, с. 72].

Для «правильного марксистско-ленинского изучения исторического прошлого Крыма» и была созвана данная научная сессия, вызвавшая «большой интерес среди широких кругов научной, партийной и советской общественности». По девяти представленным докладам «развернулась оживленная дискуссия» [7, с. 73].

Важнейшими вопросами, рассмотренными на сессии, были следующие: «о времени появления на Крымском полуострове славян» и примыкающий к нему вопрос об отношениях скифов и славян; «о соотношении в Крыму двух миров: рабовладельческого и так называемого "варварского", а также о готах, хазарах, печенегах, половцах и генуэзцах». «Интересно и по-новому прозвучали... выступления относительно русско-византийских отношений в Крыму», освещавшиеся, по мнению советских ученых, в дореволюционной историографии «неверно». «Большое место заняло в работе сессии рассмотрение вопроса о прогрессивном значении включения Крыма в состав России». Наряду с традиционными, отдельно был затронут «вопрос о необходимости изучать историю земледелия в Крыму» [7, с. 74].

Рассматривались и вопросы новой и новейшей истории Крыма, в том числе о Крыме в годы Великой Отечественной войны [7, с. 75].

Очень важным и в определенной степени провидческим для исторической науки является заключение авторов статьи. «Вопросы истории Крыма — это не узкокраеведческие вопросы. Они неразрывно связаны с историей великого русского народа и касаются истории всей нашей Родины, поскольку на крымском материале решается ряд важнейших принципиальных проблем, имеющих первостепенное значение для советской исторической науки в целом» [7, с. 75]. Представляется, что этот «грековский» вывод, звучащий как завещание, не менее актуален и для современной исторической науки.

Академик Б. Д. Греков скончался 9 сентября 1953 года.

Таким образом, жизненный путь и творчество Б. Д. Грекова длительное время были непосредственно связаны с его пребыванием в Крыму. Иногда они были творчески плодотворны, а подчас полны драматических событий и их последствий.

Список литературы

1. УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Арх. №П49829. Дело в 2 т. Т. 1. По обвинению Введенского А. А. и других.
2. Бухерт В. Г. Письма Б. Д. Грекова С. Д. Шереметеву // Отечественные архивы. 1994. №3.
3. Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.
4. Греков Б. Д. «Повесть временных лет» о походе князя Владимира на Корсунь // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1929. №3.
5. Греков Б. Д. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского // Вестник древней истории. 1939. №1.
6. Греков Б. Д. Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны // Вестник древней истории. 1940. №1.
7. Греков Б. Д., Бромлей Ю. В. Изучение истории Крыма // Вестник АН СССР. 1952. Вып. 8.
8. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.) Брянск, 2005.
9. Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982.
10. Кривошеев Ю. В. Борис Дмитриевич Греков и «Академическое дело» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4 (декабрь).
11. Мавродин В. В. Борис Дмитриевич Греков (1882—1953). Л., 1968.

12. Панеях В. М. О следственном деле Б. Д. Грекова // Отечественная история. 2001. № 4.
13. Переписка С. Б. Веселовского и Б. Д. Грекова (май 1929 – декабрь 1930 г.) // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002.
14. Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма. Симферополь, 2004.
15. Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковеда. Симферополь, 2006.
16. Филимонов С. Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010.
17. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004.
18. Шунков В. И. Борис Дмитриевич Греков (Творческий путь) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия : сб. ст. М., 1952.

Об авторе

Кривошеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kriwosheew@mail.ru

Для цитирования:

Кривошеев Ю. В. Крым в жизни и творчестве академика Б. Д. Грекова // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 50–65. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-5.

CRIMEA IN THE LEGACY OF B. D. GREKOV

*Yu. V. Krivosheev*¹

¹ Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia

Submitted on April 28, 2017

Crimea holds a very special place in the biography of B. D. Grekov (1882–1953), an outstanding Russian historian and a fellow of the Soviet Academy of Sciences. Crimea was his long-standing research interest and a place of work and leisure. Some of his years spent in Crimea were very productive, and others were hard and lean. This article presents archive materials and other publications to analyse the stages and episodes of the scholar's life and oeuvre in Crimea.

Key words: *B. D. Grekov, Crimea, history of Crimea, Russian historical studies.*

References

1. Office of the Federal Security Service of Russia for St. Petersburg and the Leningrad region, Archive №P 49829. T. 1: *Po obvineniyu Vvedenskogo A. A. i drugikh* [Vol. 1: On charges of Vvedensky A. A. and others].
2. Bukhert, V. G., 1994. Letters from B. D. Grekov to S. D. Sheremetev. *Otechestvennyye arkhivy* [Native archives], 3.
3. Gorskaya, N. A., 1999. *Boris Dmitrievich Grekov*. Moscow.
4. Grekov, B. D., 1929. "The Tale of Bygone Years" about the campaign of Prince Vladimir to Korsun. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [News of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], 3.
5. Grekov, B. D., 1939. The history of the ancient Slavs and Russia in the works of Academician V. G. Vasilievsky. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 1.
6. Grekov, B. D., 1940. The significance of S. A. Zhebelev's work "The Last Move and the Scythian Uprising on Bhaipuri" for the History of Our Country. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 1.
7. Grekov, B. D., Bromlei, Yu. V., 1952. The study of history of Crimea. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences], 8.
8. Dubrovskii, A. M., 2005. *Istoriya i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930 – 1950-e gg.)* [The historian and power: historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930 – 1950s)]. Bryansk.
9. Pashuto, V. T., ed., 1982. *Issledovaniya po istorii i istoriografii feodalizma. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika B. D. Grekova* [Studies on the history and historiography of feudalism. To the 100th anniversary of the birth of Academician B. D. Grekov]. Moscow.
10. Krivosheev, Yu. V., 2016. Boris Dmitrievich Grekov and the "case of academicians". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 4.
11. Mavrodin, V. V., 1968. *Boris Dmitrievich Grekov (1882 – 1953)*. Leningrad.
12. Paneyakh, V. M., 2001. About the case of B. D. Grekov. *Otechestvennaya istoriya* [Native history], 4.
13. Sporov, D. B., ed., 2002. Correspondence of S. V. Veselovsky and V. D. Grekov (May 1929 – December 1930). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2001 god* [Archaeographic Yearbook 2001]. Moscow.
14. Filimonov, S. B., 2004. *Khraniteli istoricheskoi pamyati Kryma* [Keepers of the historical memory of the Crimea]. Simferopol.
15. Filimonov, S. B., 2006. *Intelligentsiya v Krymu (1917 – 1920): poiski i nakhodki istochnikoveda* [Intellectuals in Crimea (1917 – 1920)]. Simferopol.
16. Filimonov, S. B., 2010. *Iz proshlogo russkoi kul'tury v Krymu: poiski i nakhodki istorika-istochnikoveda* [From the past of the Russian culture in Crimea: the search and findings of a historian-sources' analyst]. Simferopol.

17. Formozov, A. A., 2004. *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [Russian archeologists in the era of totalitarianism. Historiographic essays]. Moscow.

18. Shunkov, V. I., 1952. Boris Dmitrievich Grekov (Creative way). In: V. P. Volgin, ed. *Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnyu semidesyatiletiya: sbornik statei* [To academician Boris Dmitrievich Grekov on the day of his seventieth birthday: collection of articles]. Moscow.

The author

Prof Yuri Krivosheev, Head of the Department of Historical Regional Studies, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: kriwosheew@mail.ru

To cite this article:

Krivosheev Y. V. 2017, Crimea in the legacy of B. D. Grekov, fellow of the Academy of Sciences, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 50 – 65. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-5.